

Пахомова Марина Александровна

МЕТАФОРИЗАЦИЯ АНОМАЛЬНЫХ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

В статье идет речь о современных англоязычных стихотворениях для детей и подростков, в которых описываются аномальные семейные отношения. Показана демонстрация данных отношений в текстах через метафору, рассматриваемую в когнитивном аспекте - как дидактический прием, когда юные читатели получают жизненные уроки через декодирование метафор в процессе чтения текста. Автор приходит к заключению, что наиболее распространенные приемы метафоризации в данных текстах - абсурдизация и гротеск.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-3/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 3. С. 48-54. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-1

В статье идет речь о современных англоязычных стихотворениях для детей и подростков, в которых описываются аномальные семейные отношения. Показана демонстрация данных отношений в текстах через метафору, рассматриваемую в когнитивном аспекте – как дидактический прием, когда юные читатели получают жизненные уроки через декодирование метафор в процессе чтения текста. Автор приходит к заключению, что наиболее распространенные приемы метафоризации в данных текстах – абсурдизация и гротеск.

Ключевые слова и фразы: современная детская поэзия; метафора; когнитивная теория метафоры; семантическая база.

Пахомова Марина Александровна

*Санкт-Петербургский государственный университет
marinapakhomova@yandex.ru*

МЕТАФОРИЗАЦИЯ АНОМАЛЬНЫХ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

Детская поэзия стран Великобритании и США второй половины XX – начала XXI в. становится предметом анализа в специальной литературе сравнительно редко. При этом поэтические тексты, предназначенные для детей, являются несправедливо недооцениваемым источником материала для исследований в рамках когнитивной теории метафоры. Метафора – основной структуро- и смыслообразующий элемент текста, и детская поэзия в этом отношении не является исключением. Задачей настоящей работы – демонстрация функционирования метафоры в стихотворениях для детей на материале текстов, посвященных такой важной для юных читателей теме как взаимоотношения внутри семьи, вызывающие конфликты или дискомфорт.

Когнитивная теория метафоры была разработана в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона; согласно этой теории, метафора распространяется не только на языковые явления, но и на процессы мышления человека [9]. Подход Лакоффа и Джонсона рассматривает феномен метафоры через взаимодействие языка, мышления и культуры. Согласно Лакоффу и Джонсону, в основе процесса метафоризации лежит взаимодействие между структурами знаний (фреймами, сценариями) сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain). Когнитивный потенциал метафоры реализуется через процесс метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень: элементы сферы-источника, сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром, структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень. Источником знаний является непосредственный опыт взаимодействия человека с окружающей действительностью.

Как отмечает И. В. Толочин [1, с. 34], когнитивная теория метафоры очень плодотворна для понимания сущности функционирования метафоры в речи. Наряду с прагматической (и некоторыми другими), когнитивная теория метафоры обеспечивает методологическую базу функционально-коммуникативного подхода к изучению метафоры как способа передачи смысла в речевом акте. В рамках данного подхода метафора является элементом текста. В поэтическом тексте, в отличие от нехудожественного, метафора используется как способ создания «многоуровневого смысла, требующего творческого усилия со стороны читателя» [Там же, с. 36]. Создаваемый метафорой художественный образ реализуется на уровне целого текста, поэтому для понимания заключенной в тексте метафоры необходим анализ всех уровней поэтического текста.

В современной англоязычной детской поэзии, как и в поэзии в целом, метафора является необходимым элементом организации текста, так как детская поэзия чаще всего несет дидактическую функцию, помогая ребенку социализироваться, приспособиться к правилам игры мира взрослых, а лучше всего эти правила могут усваиваться в иносказательной форме, когда ребенок не просто получает их в готовом виде, а овладевает путем дешифровки и интерпретации текста, производя при этом ряд когнитивных операций. Также поэтическая метафоризация странностей и трудностей, с которыми ребенок сталкивается в мире взрослых, несет психотерапевтическую функцию, помогая ребенку пережить травмирующий опыт в виде текстовой или языковой игры, взглянуть на ситуацию со стороны, под необычным углом.

Для восприятия метафоры в поэтическом тексте необходимо осознание ценностного суждения, лежащего в основе стихотворения. Под ценностным суждением следует понимать «стабильную словесную ситуативную модель, определяющую зависимость степени самоудовлетворенности индивида от характера осуществляемых действий в заданных ситуативных рамках» [2, с. 195]. Данное ценностное суждение формируется на основе опыта индивида и закладывается в его сознании как ряд нормативов, стандартных ситуаций, фреймов. Таким образом, ценностные суждения, существующие в сознании носителей языка, являются семантическими базами для понимания поэтического текста. На уровне текста семантическая база реализуется в виде иерархически организованной системы языковых единиц (маркеры), которая вступает в конфликт с другими языковыми средствами, направленными на раскрытие метафоры (ключевые элементы и т.д.).

В основе стихотворений о семейных отношениях (как «нормальных», так и аномальных) лежит семантическая база, которую условно можно назвать «Дом и семья». В сознании носителей английского языка дом представляется надежной защитой для всех членов семьи от посягательств извне. Это пространство внутренней свободы лирического героя-ребенка, зажатое рамками взрослых ценностей – трансляции социальных норм,

которую производят родители ребенка. Взрослые учат детей быть социально приемлемыми, что необходимо для подготовки к построению следующего социально важного для детей типа отношений – ученика и учителя. При этом во взаимоотношениях с родителями и другими старшими членами семьи у ребенка могут возникать конфликты из-за избыточного контроля с их стороны; конфликты могут возникать и с ровесниками или младшими членами семьи из-за неумения строить отношения, детского эгоизма или трудностей характера.

Аномальные семейные отношения – одна из распространенных тем поэзии, посвященной читателям-подросткам. Для подросткового возраста свойственны переоценка и отрицание ценностей, внушаемых взрослыми, попытки найти собственные пути осознания мира и собственного места в нем, что в литературе о подростках и для подростков выражается через темы и мотивы бунта, перестановки акцентов. Проблемы, возникающие в данных стихотворениях, связаны с восприятием мира взрослых как абсурдного; абсурд, царящий в мире взрослых, вызывает у юных лирических героев ощущение дискомфорта. При этом детская поэзия не отвергает утверждаемые данной семантической базой нормативы, усвоения которых ожидают от ребенка взрослые, но доказывает их «от противного», через демонстрацию их искажений (которые в немалой степени отражают искажения картины мира, существующие в сознании самих детей). Дидактическая функция детской поэзии здесь заключается в том, что данные нормативы показываются как объект рефлексии критического мышления. Ребенку демонстрируется, что наилучший способ решения проблемы – это взгляд на нее под необычным углом, через юмористическое переосмысление, но для этого ребенку следует развивать гибкость мышления. Источником юмора здесь является осознание проблемы как разрешимой (чего нет в поэзии для взрослых); кажущаяся неразрешимость снимается при помощи гротеска, абсурдизации.

Мир взрослых не так стабилен и понятен, как кажется; в нем множество «подводных камней», которые нужно либо избегать, либо преодолевать. Не всегда с проблемами можно справиться (по крайней мере, так, как представляется оптимальным самому читателю или лирическому герою); иногда в борьбе с жизненными обстоятельствами приходится уступить и сдаться. Для данных стихотворений свойственны ирония и гиперболизация, выраженные эксплицитно: это показывает, что даже кажущиеся неразрешимыми проблемы на самом деле не так страшны и на них не стоит заострять внимание (поскольку существуют более сложные и глубокие вопросы, на которые нет ответа).

Аномальные взаимоотношения в семье могут быть самыми различными. Это отсутствие любви и взаимопонимания, ощущение угрозы и недоверия, исходящих от других членов семьи, показное благополучие, скрывающее глубокий разлад. Наиболее простая и безобидная манифестация аномальных взаимоотношений в семье показана в стихотворении Брюса Лянски (Bruce Lansky) *Throne Room* («Тронный зал»):

*My mother always nags me.
My father always yells.
My brother always teases.
My sister really smells.*

*My family's so obnoxious.
They won't leave me alone –
unless the bathroom door is locked,
and I am on my throne [10]. /*

«Мать всегда меня попрекает, отец всегда кричит, брат всегда дразнится, от сестры дурно пахнет. Мои родные так невыносимы, они не желают оставить меня в покое – только если дверь туалета не заперта, и я не сижу на своем троне» (*здесь и далее перевод автора статьи – М. П.*).

Стихотворение относится к т.н. *potty poems* (жанр «туалетного юмора», не предполагающий серьезного отношения к сюжету), хотя в нем затронута весьма серьезная и актуальная для ребенка проблема сосуществования с другими членами семьи.

Маркерами здесь являются упоминания членов семьи, причем самых близких (*mother, father, brother, sister*), а также самой семьи, и указания на привычность их действий (*always*; это слово является ярко оценочным, наподобие русского «вечно» – «вечно на меня все кричат»). Но сами действия, производимые этими персонажами, доставляют лирическому герою неприятные ощущения и переживания, хотя и относятся к рутинному семейному быту. При этом «нормальность» таких взаимоотношений в семье подчеркивается примерами из поисковой системы *Google* и корпусов текстов (например, *Corpus of Contemporary American English – COCA*). Так, слово *nag* (попрекать, придирается, надоедать) может применяться даже при описании обращения матери с взрослой дочерью (так как ее стиль жизни кажется матери неподобающим):

When Sophy's mother nags her one too many times about her single status, she decides to shut her up for good by paying a male escort to pose as her boyfriend [6]. /

«Когда мать Софи слишком часто попрекает ее, что она не замужем, та решает заставить мать замолчать, наняв мужчину по вызову с целью выдать его за своего кавалера».

Для отца общаться с окружающими на повышенных тонах (а также кричать на животных и неодушевленные предметы, вызывающие раздражение) – тоже скорее норма, хотя более свойственная людям с невысоким образовательным и культурным уровнем.

«How about a newspaper at least?» my father yells at her backside [8]. /

«Как насчет газеты, в конце концов?» – кричит отец ей в спину.

«Bendejo! Hijo de Puta!» his father yells at a horse who rises to strike and seemingly gallop into the sky [11]. /

«Бендехо! Хихо де пута!» (*Болван! Сукин сын! (исп., груб.-прост.)*) – орет отец на коня, который поднимается, чтобы лягнуть и, кажется, умчаться галопом в небеса.

«*Hiding under the stairs,*» his father yells at the television. «*Come on, you dummy! Can't you see that's what it is?*» [12]. /

«Под лестницей прячется!» – кричит его отец в телевизор. – «Ну, ты, чучело! Вообще ничего не соображаешь?».

В качестве иносказательных элементов здесь выступает параллелизм, подкрепленный анафорой: «*My mother always nags me. My father always yells. My brother always teases. My sister really smells. My family's so obnoxious...*». Также в качестве иносказательного элемента используется прием градации: *My mother always nags me* – действие адресное, имеющее некую цель (подавление личности лирического героя, контроль); *My father always yells* – менее адресное (кричит отец на него, явно чтобы контролировать его действия, но при этом *to yell* – действие ненаправленное, объект не указан); *My brother always teases* – действие не только ненаправленное, но еще и не имеющее целью побудить героя к действиям (это просто вызывание неприятных эмоций); и, наконец, *My sister really smells* – это состояние, причем не контролируемое со стороны самой сестры, но вызывающее у лирического героя столь же негативные эмоции, как и действия прочих трех персонажей; *really* здесь также, с одной стороны, выражает оценку, эмфазу, с другой, – подчеркивает, что от сестры персонажа на самом деле может исходить дурной запах (видимо, это маленький ребенок, которому не успевают вовремя поменять подгузник).

Герой желает избавиться от всех источников его неприятных эмоций (семья в восприятии героя удостоивается нелестного эпитета *obnoxious*) одновременно, ища убежища в надежно защищенном от внешнего мира месте. Единственным таким местом, доступным для героя, является санузел, так как в нем можно запереться, отгородиться от травмирующего воздействия внешнего мира, в который входит и семья. Самый интимный процесс в повседневной жизни героя переосмысливается в этом стихотворении как опорный элемент смысла, «сидение на троне» (само заглавие – *Throne Room* – также является опорным элементом смысла). Герой создает для себя маленький комфортный мир, в котором он является своего рода «королем на троне», однако это пребывание «на троне» длится всего несколько минут. Но возвышенность тона снимается тем, что этот комфортный мир – место отправления естественных надобностей: раблезианский карнавалый юмор, свойственный мировому детскому фольклору в целом, помогает юному читателю понять, что способ разрешения лирическим героем своего конфликта с миром не вполне правильный.

Ребенок защищает свое право на самостоятельную жизнь, однако эта самостоятельность может быть реализована только наедине с самим собой, поскольку родители видят в ребенке продолжение самих себя и требуют беспрекословного подчинения. Ребенок имеет право на уединение, он иногда должен отдыхать от общения с домашними, которое далеко не всегда доставляет удовольствие. Если ему в этом отказать, он будет воспринимать прочих членов семьи негативно. Это можно распространить и на взаимоотношения вне семьи: человек не может постоянно находиться в контакте с окружающими, он имеет право на одиночество, и от общения можно получать не только приятные эмоции. При этом гиперболизация проблемы лирического героя и тема телесного низа, возникающие в этом стихотворении, указывают на то, что на самом деле эта проблема во многом надуманная и ее источник – он сам, не желающий принимать близких такими, какие они есть. Таким образом, дидактическая направленность этого стихотворения касается прежде всего формирования у читателей гибкости мышления и умения признавать за окружающими право на недостатки.

В стихотворении Боба Зэнгера (*Bob Zanger Hand-Me-Downs* («Вещи с чужого плеча»)), строящемся на эффекте обманутого ожидания, поднимается вопрос необходимости баланса между общесемейными заботами и проблемой автономности личности ребенка, выражаемый через иносказание (ребенка одевают исключительно в одежду с чужого плеча, не подходящую ему даже гендерно):

I'm always wearing hand-me-downs.

I don't get stuff that's new.

My mom won't take me shopping.

I don't know what to do.

The dresses always fit me fine,

but high heels give me blisters.

It's not that easy growing up,

a boy with older sisters [14]. /

«Я всегда ношу вещи с чужого плеча, у меня нет ничего нового. Мама не берет меня за покупками, я не знаю, что делать. Платья всегда сидят на мне хорошо, но от туфель на каблуках у меня мозоли. Нелегко расти, когда ты мальчик, у которого есть старшие сестры».

В первой строфе стихотворения употребляются маркеры, указывающие на обыденность данной ситуации (*I'm always..., I don't...*). Распространенность этого явления подтверждается примерами:

Yes, my kids wear hand-me-downs. The younger two girls rarely get new clothes, because the oldest had so much. The oldest gets passed clothes from everywhere, even kids in her class. My daughters are small for their ages, so a lot of the Moms have asked me if I want their hand-me-downs [4]. /

«Да, мои дети носят одежду с чужого плеча. Младшим девочкам редко достается новая одежда, потому что у старшей ее было много. Старшая получает поношенную одежду отовсюду, даже от одноклассников. Мои дочери маленького роста для своих лет, поэтому многие мамы меня спрашивают, не хочу ли я забрать у них ненужную детскую одежду».

Молодые матери, общающиеся на этом форуме, воспринимают обмен поношенной детской одеждой как нечто само собой разумеющееся. В других репликах на этом форуме отказ матери одевать ребенка в такую одежду оценивается как ненужная гордость. Таким образом, ношение поношенной одежды в реальной жизни не является ни признаком нищеты, ни демонстрацией нелюбви матери к ребенку. Вместе с тем, в стихотворении конфликт возникает именно из-за этого.

Возмущение центрального персонажа стихотворения можно рассматривать как элемент иносказания, потому что оно указывает на конфликт с матерью (*My mom won't take me shopping. I don't know what to do*). Еще один иносказательный элемент – *The dresses always fit me fine, but high heels give me blisters* – указывает на то, что в этой одежде некомфортно, потому что она чужая. Наконец, опорный элемент смысла окончательно все разъясняет: чужая одежда не подходит персонажу стихотворения, потому что он мальчик, а его одевают в девичьи платья и туфли – то есть она не подходит ему по природе, хотя в современном мире гендерные границы сильно размыты, а ношение мужчинами юбок (не только килтов) может восприниматься как новый модный тренд.

Мать героя исповедует доведенный до абсурда принцип бережливости, являющийся одним из ключевых в протестантской этике. При этом сын, вынужденный одеваться как девочка, относится к этой ситуации некритически (платья сидят на нем, по его словам, хорошо), то есть он принял правила игры и не пытается даже объяснить матери, что его это не устраивает (*I don't know what to do*).

Основной проблемой этого стихотворения является нежелание взрослых учитывать индивидуальные особенности детей, когда в процессе воспитания им навязываются чужие и неподходящие идеи и модели поведения так же, как они из экономии одевают детей в чужую, не всегда достаточно удобную и красивую и не всегда подходящую им одежду. При этом ситуация показывается в юмористически-гротескной форме. Таким образом, доведение ситуации до абсурда снимает напряженность конфликта и сводит его к тому, что необходимость принимать правила игры, навязываемые извне, не означает отказа от признания себя самостоятельной личностью. Источник проблемы героя – неумение вести диалог и недостаточно критическое отношение к сложившейся ситуации, и проблема может разрешиться, если герой научится договариваться со старшими и четко формулировать свои потребности.

Стихотворение Ш. Силверстейна (Shel Silverstein) *Remote-a-Dad* («Пульт для отца») касается уже не столько нарушений межличностных отношений в семье, сколько того, что члены семьи видят друг в друге не живых людей, а функции. Но это снимается подчеркнутой абсурдностью ситуации, осмеянием и выворачиванием ее наизнанку (карнавальный прием):

*It's just like a TV remote control
Except that it works on fathers.
You just push the thing that you want him to do,
And he does it – without any bother.
You want him to dance? Push number five.
You want him to sing? Push seven.
You want him to raise your allowance a bit?
You simply push eleven.
You want him quiet? Just hit Mute.
Fourteen will make him cough.
You want him to stop picking on you?
Yelling and telling you what not to do?
And stop bossing you for an hour or two?
Just push Power-Off [13]. /*

«Это почти как пульт от телевизора, только он действует на отцов. Просто нажимайте на то, что вы от него хотите, и он это сделает без всяких заминок. Вы хотите, чтобы он танцевал? Нажмите кнопку “пять”. Вы хотите, чтобы он пел? Нажмите “семь”. Вы хотите от него больше карманных денег? Просто нажмите “одиннадцать”. Хотите, чтоб он не шумел? Нажмите “без звука”. При нажатии кнопки “четырнадцать” он будет кашлять. Вы хотите, чтобы он от вас отстал, перестал кричать и поучать, чего вам делать не надо? И прекратил вами командовать на час-два? Просто нажимите “Выкл.”».

Стихотворение пародирует инструкцию к пульту от телевизора, однако гипотетический пульт предназначен для контролирования поведения отца по отношению к лирическому герою. Повседневная бытовая ситуация (отец как контролер детского поведения) здесь оказывается перевернутой (ребенок управляет поведением отца), но при этом переворачивании вскрывается антигуманная сущность любого контроля, подавляющего личность ребенка и имеющего целью превратить его в послушную машину для выполнения команд взрослых. Однако и ребенок, воспитанный в таких условиях, сам начинает воспринимать окружающих как машины.

Маркеры – перечисление тех действий, которые нежелательны и неприятны для лирического героя: *You want him to stop picking on you, Yelling and telling you what not to do? And stop bossing on you for an hour or two?* Лирическому герою неприятны постоянные одергивания и поучения со стороны отца (причем отец не говорит ему, что нужно делать, а говорит, чего не нужно делать, то есть не направляет деятельность героя в нужное русло, а парализует его волю). При этом отец лирического героя совмещает функции обоих родителей из предыдущего стихотворения (и поучает, как мать героя стихотворения *Throne Room*, и просто кричит, причем в обоих случаях употреблен глагол *to yell*).

Иносказательными элементами являются описания действий, производимых с пультом для достижения нужного результата (эти действия неоднократно производятся в повседневности при обращении с бытовой техникой, лифтами, игральными автоматами и т.д.).

Механистичность действий, производимых отцом по команде пульта, подчеркивается риторическими средствами: анафорой, синтаксическим параллелизмом (употребление конструкции «сложное дополнение»), вопросно-ответными конструкциями (на которых строится почти все стихотворение). Это уже стилистика скорее не технического, а рекламного текста, направленного на суггестию адресата:

*You want him to dance? Push number five.
You want him to sing? Push seven.
You want him to raise your allowance a bit?
You simply push eleven.
You want him to stop picking on you...?
Just push Power – Off.*

Сочетание маркеров с иносказательными элементами вводит тему дегуманизации взаимоотношений внутри семьи (или – шире – взрослых и детей). Метафорой этой дегуманизации становится фантастический пульт для контроля поведения. Команды, отдаваемые гипотетическим владельцем пульта, могут быть как осмысленными, так и абсурдными; то есть герой сам не знает, как с пользой распорядиться доставшейся ему властью над другими (самое разумное, что он может с ними сделать при помощи пульта, – это выключить их на время, как телевизор или компьютер).

Необычно, что опорные элементы смысла вынесены в самое начало стихотворения (заглавие и первые две строки), а прочие строки служат для развития и конкретизации заданной ими темы.

Проблема данного стихотворения: родители, стремясь к тому, чтобы их дети соблюдали принятые в доме правила (прежде всего – беспрекословно слушались), перестают воспринимать ребенка как человека и относятся к нему как к неодушевленному существу. В стихотворении ситуация гротескно заостряется за счет абсурдизации и гиперболизации. Также здесь снова возникает проблема неумения лирического героя договариваться со старшими и добиваться компромиссов: живой человек – не машина, с ним невозможно общаться при помощи простых команд и сигналов, а, следовательно, надо учиться вести полноценный диалог.

Тема восприятия дегуманизации семейных отношений глазами ребенка продолжается в стихотворении Линды Кнауэ (Linda Knaus) *Garage Sale* («Гаражная распродажа»).

*Most every summer Mom works hard,
beginning right at dawn,
by putting things she doesn't want
for sale out on the lawn.*

*Those bargain prices drive folks nuts.
This year they went too far.
One lady bought our front porch steps.
Another bought our car.*

*And then it got ridiculous,
so that's when I got mad.
«Hey, lady! Some things aren't for sale –
now please put down my dad!» [7]. /*

«Чуть ли не каждое лето мама усердно трудится, начиная с самой зари, раскладывая на нашем газоне вещи, которые ей не нужны, для распродажи. Эти грошовые цены сводят людей с ума. Но в этом году они зашли слишком далеко. Одна леди купила ступени от нашего крыльца, другая – нашу машину. А затем и до смешного дошло, так что я разозлилась: “Эй, леди! Тут не все продается – так что, пожалуйста, отпустите папу!”».

Гаражная распродажа – это способ поддержания комфортной среды обитания внутри дома: избавление от беспорядка при помощи продажи по символическим ценам старых и ненужных вещей (которые могут понадобиться кому-нибудь другому). Этот процесс воспринимается носителями языка в целом как положительный и приятный, что подтверждается примерами из текстовых корпусов:

Are you looking for a great way to get rid of your household clutter and make some extra cash at the same time? A garage sale or yard sale may be just the ticket. Garage sales are easy to plan and manage, and they can turn large, unwieldy old lamps and dishes into smaller, more manageable piles of cash [6]. /

«Вам нужен классный способ избавиться от домашнего хлама и при этом заработать лишнюю денежку? Тогда гаражная или дворовая распродажа – как раз то, что надо. Гаражные распродажи легко спланировать и организовать, и они могут превратить большие громоздкие лампы и блюда в куда меньшие, но более аккуратные кучки денег».

Здесь гаражная распродажа воспринимается говорящим как способ не только навести в доме порядок, но и заработать денег, превратить бесполезное в полезное.

If you add a «b» between the «r» and the second «a» in garage sale, you'll see what a garage sale really is [5].

Здесь возникает игра слов (намек на слово *garbage* – мусор), то есть гаражная распродажа – это способ избавиться от мусора, очистить дом.

В стихотворении Кнаус гаражная распродажа превращается из веселого занятия в разорение родного дома лирического героя. Вещный космос (термин В. Н. Топорова) [3, с. 27], создаваемый внутри дома, может складываться из вещей, которые могут казаться бесполезными, но с ними связаны ассоциации, воспоминания или что-то еще, поэтому любая уборка – это не только наведение порядка, но и порой крушение вещного космоса.

Первая строфа целиком построена на маркерах семантической базы и описывает типичную регулярно повторяющуюся ситуацию (хозяйка дома показана в типичной для ее социальной роли ситуации, подчеркиваются ее трудолюбие и усердие). Типичность акцентируется употреблением глагольных форм в настоящем времени (*Present Simple*). Во второй строфе появление иносказательных элементов сопровождается сменой грамматического времени на простое прошедшее (*Past Simple*) (переход от абстрактной повторяющейся ситуации к конкретной, сложившейся в данном случае). Участники гаражной распродажи покупают у матери героя не обычные старые вещи, а нужные и дорогие (автомобиль) или являющиеся неотъемлемой частью дома (ступени крыльца), а под конец пытаются купить и самого хозяина дома. Опорный элемент смысла вводится как прямая речь героя в финале: финал – сама по себе сильная позиция, а оформление последних двух строк, отличающее их от оформления остального текста, дополнительно подчеркивает их важность. Герой выступает как заступник за своего отца, которого собираются купить, подобно вещи, и который при этом совершенно пассивен (настолько, что позволяет покупательнице переносить себя с места на место). Здесь, как было отмечено ранее, имеет место описание дегуманизации семейных отношений, но члены семьи приравнены по своему статусу даже не к функциям, а к предметам. При этом девочка – героиня стихотворения – проявляет себя более самостоятельной и независимой, чем ее родители: она (в отличие от героя стихотворения *Hand-Me-Downs*), способна открыто выразить недовольство, четко изложить свои требования, не боясь вступать в спор со старшими, то есть ведет себя именно так, как и должна вести себя в данной ситуации цельная сформировавшаяся личность.

Таким образом, можно прийти к выводу, что метафоризация аномальных семейных взаимоотношений в проанализированных стихотворениях происходит различными способами, но один из основных способов – абсурдизация и гротеск. Акцент делается как на отстаивании лирическим героем-подростком права на восприятие себя как самостоятельной личности, так и на ценности ощущения единства вещного космоса дома и его обитателей и опасности, исходящей от попыток (даже самых благонамеренных) разрушить это единство. Абсурдизация аномальных семейных отношений подкрепляет выбор в пользу нормальных отношений. В сознании англоязычного читателя нормальные семейные отношения – партнерские, основанные на равноправии, в которых каждая сторона имеет свои права и обязанности. Попытки взрослых доминировать и навязывать детям исключительно свои правила игры и порождаемый этим догматизм в англоязычной детской поэзии являются объектом осмеяния.

Рассмотренные в статье стихотворения носят ярко выраженный гуманистический посыл: принцип социального взаимодействия как современная норма жизни. Задача современной детской поэзии, таким образом, – привести ребенка к необходимости принимать людей такими, какие они есть, со всеми их недостатками, к желанию находить компромисс и идти на уступки. Абсурдизация аномальных семейных отношений, являющаяся функцией метафоры в данных стихотворениях, – это указание на относительность нормативов и провозглашение социального партнерства. При этом, осмеивая отклонения от идеала, детская поэзия, с присущим ей дидактизмом, не подвергает осмеянию сам идеал, осознание и усвоение которого необходимо для социализации ребенка.

Список источников

1. **Толочин И. В.** Метафора и интертекст в англоязычной поэзии: лингвостилистический аспект. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. 96 с.
2. **Толочин И. В.** Ценностное суждение как семантическая база поэтического текста // Язык как культурный код нации / под ред. А. В. Зеленщикова, Е. Г. Хомяковой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2014. С. 195-206.
3. **Топоров В. Н.** Апология Плюшкина: вещь в антропоцентрической перспективе // Топоров В. Н. Миф, ритуал, символ, образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 7- 111.
4. **Do your children wear hand-me-downs?** [Электронный ресурс]. URL: <https://answers.yahoo.com/question/index?qid=20100223142927AA7q6uK> (дата обращения: 25.04.2017).
5. **Garage Sale** [Электронный ресурс] // Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=garage+sale&defid=685426> (дата обращения: 26.04.2017).
6. **Howard L.** Driven to the edge of desire [Электронный ресурс]. *Cosmopolitan*. 2001. (Sep) Vol. 231. Iss. 3. P. 338 // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 27.04.2017).
7. **Knaus L.** Garage Sale [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gigglepoetry.com/poem.aspx?PoemID=741&CategoryID=36> (дата обращения: 25.04.2017).
8. **Laken V.** God of Fire [Электронный ресурс]. *Michigan Quarterly Review*. 2007 (Winter). Vol. 46. Iss. 1. P. 124 // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 27.04.2017).
9. **Lakoff G., Johnson M.** *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 276 p.
10. **Lansky B.** Throne Room [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gigglepoetry.com/poem.aspx?PoemID=721&CategoryID=35> (дата обращения: 25.04.2017).
11. **Murphy Y.** The Un-son [Электронный ресурс]. *TriQuarterly*. 2009. Iss. 133. P. 269 // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 27.04.2017).
12. **Percy B.** In the Rough [Электронный ресурс]. *The Antioch Review*. Fall 2011 // Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 27.04.2017).
13. **Silverstein S.** Remote-a-Dad [Электронный ресурс]. URL: <http://poemsbyshelsilverstein.blogspot.ru/2009/01/poem-by-shel-silverstein-pg-112.html> (дата обращения: 27.04.2017).
14. **Zanger B.** Hand-me-Downs [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gigglepoetry.com/poem.aspx?PoemID=73&CategoryID=10> (дата обращения: 25.04.2017).

METAPHORIZATION OF ABNORMAL FAMILY RELATIONS IN THE MODERN ENGLISH CHILDREN'S POETRY

Pakhomova Marina Aleksandrovna

*Saint Petersburg University
marinapakhomova@yandex.ru*

The article examines modern English children's and teenagers' poems describing abnormal family relations. The author analyzes the manifestation of these relations in the texts through metaphor which is considered in cognitive aspect – as a didactic device when the young readers get life lessons decoding metaphors in the reading process. The researcher concludes that the most frequent metaphorization techniques in such texts are absurdization and grotesque.

Key words and phrases: modern children's poetry; metaphor; cognitive theory of metaphor; semantic basis.

УДК 821.51:82-1/-9

Статья посвящена жанру эссе в современной татарской прозе. Целью работы является изучение данного феномена, особенностей его содержания и формы на примере творчества татарского писателя М. Галиева. Особое внимание уделяется содержательному аспекту, глубине рассматриваемого жанра, а также наличию особых приемов и средств, позволяющих довести до читателя исторические факты и философские умозаключения. Результаты анализа произведения М. Галиева свидетельствуют о традиционном для жанра эссе отсутствии единого сюжета, строгой единой структуры построения текста. Автор статьи акцентирует внимание на том, что повествователь выступает главным персонажем, а его чувства и переживания, эрудиция и знания становятся основным структурообразующим элементом, приносят в текст движение и развитие.

Ключевые слова и фразы: эссе; национальная проза; современная татарская литература; М. Галиев; синкретизм.

Юзмухаметова Ландыш Нургаяновна, к. филол. н.
*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Land_yz@mail.ru*

ЖАНР ЭССЕ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ГАЛИЕВА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ)
и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 16-14-16010.*

Современная татарская литература изобилует разнообразием форм, содержания, направлений, жанров. Писатели стремятся быть в тренде русской и мировой литературы, вместе с тем, ищут свое уникальное лицо, не перестают много и предметно говорить о национальных проблемах.

Одним из явлений, заявивших о себе на волне художественных перемен рубежа XX-XXI вв., стала необычная активизация эссе и в художественной литературе, и в литературной критике. В данной статье мы попытаемся заглянуть в суть данного феномена, выделить некоторые особенности «татарского эссе».

Теоретическую трактовку эссе, на наш взгляд, очень близкую к точной, мы нашли в работе известного отечественного литературоведа В. Е. Хализева: «эссе (фр. *essai* – попытка, очерк) – прозаическое сочинение небольшого объема и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу или вопросу и заведомо не претендующее на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета. Эссеистика тяготеет к синкретизму: начала собственно художественные здесь легко соединяются с публицистическими и философскими» [4, с. 356]. Если обратиться к М. Эпштейну, сюда можно внести еще большую конкретику: «В эссе соединяются: бытийная достоверность, идущая от документа, мыслительная обобщенность, идущая от философии, образная конкретность и пластичность, идущая от литературы. Эссе – частью признание, как дневник, частью рассуждение, как статья, частью повествование, как рассказ» [5]. Достоинством является утверждение о том, что «основными чертами эссе, определяющими его жанровое своеобразие, являются свободная организация текста и свободное развитие мысли, субъективность индивидуального видения и описания действительности» [1, с. 62].

Историю жанра в мировой литературе начинают с «М. Монтеня («Опыты». Кн. 1-3.1572-92). Разностороннее развитие он получил в журналистике, особенно английской, в 17-18 вв.» [3, с. 1247]. В татарской литературе эссе встречается в творчестве Р. Файзуллина («По тропе Тукая и Бабича», «С тонкой душой, богатырским сердцем» и др.), Р. Гаташа («Пушкин есть!», «Чувство гордости», «Поэт печали» и т.д.) [6, б. 228].

Вместе с тем татарская литература издревле знала еще одну разновидность эссе, которая в восточных литературах называлась «Сэжэгълы шигыр», в татарской – «нэсер». Данный жанр относится к лиро-эпическим, тяготея своим содержанием к поэзии, а формой – к прозе. В нем, как отмечают ученые, «основное